

Жизель. — 1997. — 1 мая. — с. 11.

Жизель конца XX века

ДЕБЮТ

Наталья ЧЕРНОВА

Всего лишь первый сезон танцует в Мариинском театре Светлана Захарова, но уже дебютировала в партии Жизели. И пообещала превратиться в "звезду" незаурядной величины.

Право считаться ее Домом оспаривают Петербург и Киев. И "притязания" обоих городов справедливы. Питер впервые увидел Захарову на Конкурсе имени А.Я.Вагановой, и девочка, уже освоившая азы балетной классики, тут же была приглашена в Петербургскую академию танца. Здесь ее педагогом стала одна из тончайших, изысканных балерин Мариинки Елена Евтеева. Так сила и точность танца, которые дала Захаровой украинская школа, соединились с истинно петербургской высокой исполнительской культурой. Но главный "секрет", конечно, заключается в самом даровании юной танцовщицы, обладающей прекрасными природными данными.

Жизель Захаровой явилась идеальной пейзажной доромантической пасторалей. В скучноватом мире первого акта как будто ничто не тревожило ее душу. Мир Жизели принадлежал только ей самой и не предвещал никаких бурь. Любовь к Альберту воспринималась, как нечто естественное. В этой весенней ясности была своя красота — красота совершенства. "Кристалльный" академизм танца казался не раз и навсегда усвоенной школой, а естественной речью героини. Жизель и за сердце хваталась без всякой тревоги — заболело, потому что слишком много девушка потанцевала.

Первый нервный всплеск, первая нотка тревоги возникла в спектакле, когда мать стала рассказывать девушкам о виллисах. Жизель восприняла их существование как реальность и по-настоящему испугалась. Вновь тема виллис открыто зазвучала в сцене сумасшествия, ставшей сценой постепенного умирания героини. Смерть — это превращение в виллису, жизнь — любовь к Альберту. Ломаные движения рук, словно оборачивавшихся крыльями, — как будто наплывали воспоминания о любви. Только они еще держали ее на земле, мешая

переступить ту грань, за которой все чуждо и мертво. Жизель — Захарова заставила задуматься о том, что сегодняшнее поколение неизбежно вносит свое восприятие мира в старинный танец. Он лишается идеализма.

Во втором акте Захарова утверждала действенность живой Любви. Не Мирта, а Жизель как будто была истинной хозяйкой царства виллис. Ее любовь казалась некоей самостоятельной силой, незримым действующим лицом белотюникового акта спектакля. Тема мудрой, "обобщенной" любви расширила масштабы танца балерины. В нем словно зазвучали, "перекрывая" нежную мелодию скрипок, торжественные звуки органа. Несомненно, юная танцовщица наделена подлинным актерским темпераментом, и он еще заявит о себе в полный голос. Очень хотелось бы увидеть ее в роли Никки или, может быть, Мехменэ Бану — когда окрепнет, повзрослеет эта юная душа.

В драматизме Захаровой пока, к счастью, нет ни "излома", ни чрезмерного пафоса. И дай бог, чтобы не ушла эта естественность, чтобы не появилась ложная многозначительность или манерность.

"У меня духовные ноги и духовные руки", — любила повторять Мария Тальони. Кто знает, быть может, время таких ног и рук ушло вместе с Жизелью Натальей Бессмертной?

Как юная античная богиня, наделенная темпераментом женщины XX века, попрощалась со своим неверным Альбертом Жизель — Захарова. И в этом прощании, и в том, как, словно подхваченная какой-то мистической силой, закружилась она, появившись "изпод земли", в летящих, но пока еще не фиксирующих баллон прыжках были особая красота и убеждающий смысл. Захарова рассказала о мудрости и мощи любви и о ее спасительной силе для тех, кто любит и кого любят.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ — МОСКВА ●

Фото Н. РАЗИНОЙ

